

DOI: 10.31862/2500-297X-2024-1-9-27

УДК 159.922.2/6+37.018

М.В. Пономарев, А.В. Клименко, С.Ю. Рафалюк

Московский педагогический государственный университет,
119435 г. Москва, Российская Федерация

Когнитивная культура поколения Z как фактор развития современных педагогических систем

Статья посвящена анализу социально-психологических особенностей поколения Z («родившихся в XXI веке») как фактора развития современных педагогических систем. Авторы показывают специфику когнитивной культуры «зуммеров», раскрывая взаимосвязь таких явлений, как клиповое сознание, визуальное мышление и эмоциональный интеллект, отмечая закрепление соответствующих качеств как на уровне нейропсихологических процессов, так и ценностно-мотивационных, поведенческих, коммуникативных установок. Адаптация образовательного процесса к когнитивным особенностям представителей поколения Z соотносится с закреплением интерактивного характера педагогического взаимодействия (помимо использования соответствующих методик преподавания), геймификацией образовательного процесса, созданием условий для построения индивидуальных траекторий обучения. Особое значение придается активизации воспитательной работы с молодежью на основе стимулирования социального активизма обучающихся, приобретения навыков коллаборации. В статье подчеркивается необходимость системного внедрения таких педагогических подходов именно в высшей школе, поскольку

© Пономарев М.В., Клименко А.В., Рафалюк С.Ю., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

в 2020–2030-х гг. студентами будут являться представители поколения Z. Решение соответствующих задач, по мнению авторов, должно стать важной частью реформы высшей школы, стартовавшей в 2023 г.

Ключевые слова: когнитивная культура, поколение Z, клиповое сознание, визуальное мышление, эмоциональный интеллект, образовательный процесс в университете

Благодарности. Статья подготовлена в рамках проекта «Особенности реализации принципа индивидуализации при формировании готовности к научно-исследовательской деятельности».

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Пономарев М.В., Клименко А.В., Рафалюк С.Ю. Когнитивная культура поколения Z как фактор развития современных педагогических систем // Педагогика и психология образования. 2024. № 1. С. 9–27. DOI: 10.31862/2500-297X-2024-1-9-27

DOI: 10.31862/2500-297X-2024-1-9-27

M.V. Ponomarev, A.V. Klimenko, S.Yu. Rafalyuk

Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119435, Russian Federation

Cognitive culture of generation Z as a factor in the development of modern pedagogical systems

The article is devoted to the analysis of the socio-psychological characteristics of generation Z (“those born in the 21st century”) as a factor in the development of modern pedagogical systems. The authors show the specifics of the cognitive culture of “Zoomers”, revealing the relationship between such phenomena as clip consciousness, visual thinking and emotional intelligence, noting the consolidation of the corresponding qualities both at the level of neuropsychological processes and value-motivational, behavioral, and communicative attitudes. Adaptation of the educational process to the cognitive characteristics of representatives of generation Z

correlates with consolidating the interactive nature of pedagogical interaction (in addition to the use of appropriate teaching methods), gamification of the educational process, and creating conditions for building individual learning trajectories. Particular importance is attached to intensifying educational work with young people based on stimulating social activism among students and acquiring collaboration skills. The article emphasizes the need for the systematic implementation of such pedagogical approaches in higher education, since in the 2020s – 2030s representatives of generation Z will be students. Solving relevant problems, according to the authors, should become an important part of the higher education reform that started in 2023. **Key words:** cognitive culture, generation Z, clip consciousness, visual thinking, emotional intelligence, educational process at the university

Acknowledgments. The article was prepared within the framework of the project “Peculiarities of the implementation of the principle of individualization in the formation of readiness for research activities”.

CITATION: Ponomarev M.V., Klimenko A.V., Rafalyuk S.Yu. Cognitive culture of generation Z as a factor in the development of modern pedagogical systems. *Pedagogy and Psychology of Education*. 2024. No. 1. Pp. 9–27. (In Rus.). DOI: 10.31862/2500-297X-2024-1-9-27

Введение

Система российского образования к исходу первой четверти XXI в. оказалась перед необходимостью очередного цикла реформирования. При этом сложившаяся за последнее два десятилетия общепедагогическая парадигма не претерпевает радикальных изменений. Так, ярко выраженная тенденция усиления роли воспитательного процесса вполне соответствует специфике компетентностной модели обучения, а обновление содержательных основ образовательных программ различного уровня за редким исключением носит вполне преемственный характер. Актуальные задачи по цифровизации образования, внедрению его дистанционного формата, расширению спектра инновационных образовательных технологий также решаются «в текущем порядке». Наиболее обсуждаемые новации, такие, например, как переход к дидактической модели «единого учебника» в рамках общего образования или трансформация уровневой модели высшего образования, находятся на стадии поиска оптимальных форм практической реализации. То же самое относится и к заявленной стратегии «суверенного образования».

На этом фоне диссонансом выглядит чрезвычайно критическое отношение российской общественности к состоянию образования. По данным ВЦИОМ, каждый пятый россиянин считает его «плохим» или «очень плохим», более 60% уверены в том, что получаемое образование не определяет благополучие человека, и немногим менее 60% отмечают недостаточную доступность качественного образования, особенно в сфере высшего образования (<https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskiy-obzor/obrazovanie-v-rossii-vostrebovannost-dostupnost-kachestvo>). Резкие суждения о «бедственном состоянии» образования раз за разом звучат с парламентской трибуны (показательной является законодательная инициатива 2023 г. о переходе к обязательным ежегодным отчетам правительства о ситуации в сфере образования). Критические настроения неизменно сохраняются и у многих представителей профессионального педагогического сообщества.

Особую остроту полемике о результатах и перспективах развития российского образования придает проблема интеграции в происходящие процессы его обновления самих обучающихся. Нынешние школьники и большая часть студентов родились уже в XXI в. Они обладают заметной спецификой мышления, мировосприятия, поведенческой и коммуникативной культуры, мотивационных установок. Этот факт не подвергается сомнению, но он реже всего обсуждается в рамках дискуссии о проектировании современных педагогических систем. Более того, часто можно встретить весьма скептические суждения о когнитивной культуре и жизненной позиции подрастающего поколения. Взрослые отмечают чрезмерную ориентацию на материальные ценности (хотя исследования показывают обратную картину), утверждают, что молодежь эгоистична, расточительна, безответственна, лицемерна, равнодушна к родной стране и обладает низкой духовной культурой [1, с. 109].

Широко распространена точка зрения о превращении большей части нового поколения в «рабов интернета», воспринимающих реальность сквозь призму социальных сетей: «Красивые картинки и мотивационные лозунги псевдоэкспертов, которые молодые люди ввиду отсутствия достаточного жизненного опыта и психологической зрелости воспринимают как истину в последней инстанции, искажают восприятие их реальной жизни» [17, с. 26]. Считается, что такое погружение в иллюзорную виртуальную среду ведет к нигилистическому отрицанию опыта предыдущих поколений и угрожает крайним обострением конфликта отцов и детей: «Новое поколение будет возлагать на родителей моральную ответственность за собственные проблемы – когда у них что-то не получается, они прибегают к самооправданию: это родители им не дали, не устроили, не научили...» [15, с. 27].

При всей тенденциозности подобных оценок они достаточно ярко иллюстрируют проблему социализации подрастающего поколения в условиях динамично меняющегося общества. Развитие педагогических систем оказывается сопряжено с необходимостью обеспечить преемственность социокультурного развития при радикальной смене форм когнитивной активности у детей, подростков и молодежи. Возникает ситуация, когда учитель и ученик не только обладают существенно разными мотивационно-ценностными установками, но и заметно отличаются знаковой культурой. Именно поэтому остро встает вопрос о поисках адекватного стиля педагогического общения и эффективных методов обучения. Но идет ли речь о необходимости «нивелировать отрицательные черты “цифровых детей” и помочь им преодолеть трудности в развитии» [10, с. 2], или современная педагогика должна исходить из особенностей когнитивной культуры подрастающего поколения и видеть в этих особенностях особый ресурс развития общества? От ответа на этот вопрос зависит не только вектор развития образовательного пространства в нынешних непростых условиях, но и готовность общества ответить на вызовы завтрашнего дня.

Поколение Z: социально-психологический портрет и специфика когнитивной культуры

Для обозначения «родившихся в XXI веке» чаще всего используется понятие «поколение Z» в соответствии с теорией, разработанной Нейлом Хоувом и Вильямом Штраусом. Еще в 1991 г. они опубликовали книгу «Поколения: история будущего Америки, с 1584 по 2069 год», в которой предложили рассматривать в качестве «поколения» людей, родившихся в рамках примерно двадцатилетнего периода, оказавшихся в процессе социализации под влиянием неких особых исторических условий и, как следствие, обладающих схожими мировоззренческими установками и моделями поведения, а также чувством принадлежности к данному поколению [19, с. 58–64]. При всей условности и даже спорности, присущей подобным обобщениям, теория Хоува и Штрауса оказалась вполне продуктивной основой для социально-психологического анализа поколений, составляющих современное общество: Беби-Бумеров (родившихся во второй половине 1940-х – первой половине 1960-х гг.), поколения X (вторая половина 1960-х – первая половина 1980 гг.), поколения Y (вторая половина 1980-х – конец 1990-х гг.) и поколения Z (с начала 2000-х гг.).

Относительно социально-психологических особенностей поколения Z в научной литературе представлены два существенно разных

оценочных подхода. Первый из них исходит из констатации того, что поколение Z – это «в полной мере “цифровое” поколение, представителям которого легче устанавливать контакт с компьютером, чем друг с другом», а потому «в наиболее ярком виде психологические особенности нового поколения можно наблюдать в их крайних проявлениях, в форме определенных психологических синдромов» [15, с. 26]. Источником таких синдромов и девиативных реакций считается, прежде всего, «зависимость от интернета»: «Многие живут в Сети в придуманных мирах, ... сутками сидят в социальных сетях, играют в онлайнные игры, постоянно рассказывают о своей жизни в блогах» [Там же, с. 25]. Особенно острые суждения вызывает «веб-серфинг» – молодежь обвиняют в «бездумном переходе по веб-ссылкам при нежелании останавливать этот процесс» [16, с. 55.], в «поиске легкой, эффе́ктной информации на уровне поверхностных сведений и многочасовой пустой болтовни со случайными приятелями», что «идет в ущерб учебе, сну и приему пищи, приводит к чувству внутренней опустошенности» [7, с. 82]. С этими факторами связываются как особенности нервной деятельности («Поток неадаптированной для детского сознания информации провоцирует повышенную возбудимость, впечатлительность, неусидчивость, суетливость и, в крайних случаях, – гиперактивность» [10, с. 3]), так и качества, определяющие социальное поведение: сосредоточенность на кратковременных целях, отсутствие здоровой амбициозности и мотивации к планированию своей жизни при немалой самоуверенности, порожденной иллюзией «владения информацией», склонность к инфантильности и праздности: «Нарциссизм, эгоцентризм, индивидуализм – жизненное кредо поколения Z. Они подвержены самолюбванию. Они слишком высокого мнения о себе, у них завышена самооценка» [11, с. 70].

На наш взгляд, такой подход к оценке социально-психологических особенностей поколения Z является контрпродуктивным. Во-первых, собирательный «портрет» любого поколения не может базироваться на описании «психологических синдромов» – это противоречит методологическим основам и задачам такого анализа. Во-вторых, восприятие подрастающего поколения как априори склонного к девиациям подразумевает необходимость «помочь» подросткам и молодым людям в преодолении их собственных поколенческих особенностей (показательный пример – ввод жестких ограничений на использование средств мобильной связи в школе). В психолого-педагогическом плане результаты подобной практики могут оказаться весьма сомнительными. И, наконец, в-третьих, само восприятие поколения «зуммеров» как Digital Natives («аборигенов цифрового мира») требует существенных уточнений.

Так, Марк Пренски, предложивший термин «Digital Natives» в 2001 г., имел в виду «носителей цифрового языка компьютеров, видеоигр и Интернета», которые не только отличаются высоким уровнем e-skills, но и используют цифровую среду как новую сферу социального активизма [22]. И такая характеристика относилась к представителям поколения Y («Миллениалам»), которые создавали и «обживали» мир цифровых технологий. Это мнение разделяли создатели теории поколений Н. Хоув и В. Штраус [20, с. 109]. Поколение же «зуммеров» проходило становление в условиях, когда владение цифровыми технологиями уже не являлось специфическим фактором – для них мир перестал делиться на онлайн и офлайн. Поэтому поколение Z следует считать не столько «цифровым», сколько «сетевым», воспринимающим жизненное пространство и виртуальную реальность в рамках единой когнитивной архитектуры. И этот эффект закрепляется не за счет искусственных или компенсаторных поведенческих паттернов, а на более глубоком уровне личностной структуры. Особое значение в этом плане имеет именно когнитивная культура поколения Z, которая может быть охарактеризована понятиями «клиповое сознание», «визуальное мышление» и «эмоциональный интеллект».

Клиповое сознание основано на априорном восприятии всего жизненного пространства (а не только «цифрового мира») как множества изменчивых, эклектичных потоков и пакетов информации, нередко противоречащих друг другу, обладающих различной степенью достоверности, не связанных с какой-либо целостной «системой смыслов». Тем самым, картина мира в немалой степени утрачивает связь с социальными стереотипами и культурными кодами – они не отрицаются, но становятся частью калейдоскопического информационного континуума. В итоге когнитивная активность оказывается зависимой от способности воспринимать окружающий мир сквозь призму разрозненных информационных единиц («клипов»), не имеющих «онтологической» взаимосвязи между собой: происходит ситуативное и в значительной степени иррациональное вычленение «актуальных» («интересных», «достоверных», «новых») информационных объектов. Основой для их коннотации являются ассоциативные связи, «вольные» интерпретации, знаково-символическая визуализация, т.е. человек не столько аналитически осваивает те или иные информационные кейсы, сколько «видит» их определенным образом, «считывает» на уровне образного мышления. Отсюда такие свойства клипового сознания, как символизм, гипертекстуальность, полифоничность, мозаичность [3, с. 29.]. Что особенно важно, клиповое сознание обеспечивает способность не только к быстрой обработке разрозненной информации, но и к гибкому,

адаптивному «переключению фреймов» в восприятии окружающего мира. Это объясняет такую важную черту клипового сознания, как многозадачность, т.е. способность к одновременному выполнению нескольких задач и быстрому переключению между информационными потоками.

По своей когнитивной природе клиповое сознание тесно связано с визуальным мышлением и, тем самым, может быть практически противопоставлено вербально-логическому мышлению. Само визуальное мышление вопреки распространенному мнению отнюдь не сводится к использованию графических средств, призванных «проиллюстрировать то, что было бы затруднительно описать обычным языком» [9, с. 153]. В основе его лежит интуитивное оперирование иконическими знаками, символами, образами, информационными клипами, которые интегрируются с помощью воображения, а не логики. Воображение при этом не ограничено визуальным восприятием предметов и событий, а становится инструментом активной перцепции и коннотации: реализуется алгоритм «посмотреть – увидеть – вообразить – показать другим», в котором «объективная» презентация воспринимаемых объектов по своей значимости уступает их творческой, субъективной репрезентации [18, с. 43]. Само восприятие информации происходит во многом ситуативно и спонтанно, но накапливающийся когнитивный опыт формирует вполне устойчивую и абсолютно персонифицированную систему образов-ассоциаций, которая становится важнейшим элементом когнитивной культуры личности.

Поскольку основой визуального мышления выступает восприятие и локализация любой информации в знаково-символических образах, то визуализация картины мира предполагает очень высокий уровень эмоциональности. Отсюда особая значимость тех личностных структур, которые можно характеризовать с помощью понятия «эмоциональный интеллект». По сути, речь идет о формировании особой «культуры эмпатии» – «общей направленности личности на эмоциональную сферу – как собственную, так и других людей, со склонностью к психологическому анализу собственных эмоциональных переживаний, поведения (как и к интерпретации переживаний, эмоций, мотивов поведения других людей)» [5, с. 99]. В сочетании с развитым эмоциональным интеллектом клиповое сознание не просто визуализирует картину мира, а придает ей черты «воображаемого мира»: «Эта игра [ума] порождает воображаемый мир, объекты которого существуют в той мере, в какой мы относимся к ним как к чему-то действительно существующему. Воображаемый мир нашего сознания не совпадает с миром возможного, ибо в нем есть и невозможное» [2, с. 9].

Высокий уровень развития клипового сознания тесно связан с нейропсихологическими процессами. На уровне мозговой деятельности прослеживается более высокий объем серого вещества в задней теменной коре, связанной с эффективной работой визуальной рабочей памяти, и более низкая плотность серого вещества в передней поясной коре, т.е. зоне, отвечающей за рассуждение, планирование и контроль [4, с. 32–33]. Кроме того, происходит усиление функциональной межполушарной асимметрии, что увеличивает возможности разнонаправленных, спонтанных реакций (склонности к «разрыву шаблона»). Как следствие, по-особому функционирует память – она становится не просто «короткой», но и «инструментальной»: «В первую очередь, запоминается не содержание какого-нибудь источника информации, а место, где эта информация находится, а еще точнее – “путь”, способ, как до нее добраться» [6, с. 8].

Когнитивная культура, интегрирующая такие психологические качества и особенности мировосприятия, является определяющим фактором для развития мотивационных, поведенческих, коммуникативных, ценностных установок поколения Z. Комфортным жизненным пространством для его представителей является перенасыщенная информационная среда и интенсивное сетевое общение (под «сетью» подразумевается не только «цифровой мир», но и любые интерактивные социальные практики). Эта черта парадоксальным образом сочетается с высокой степенью самодостаточности, склонностью к аутизации, т.е. «погруженностью в себя», защищающей от «внешних проблем». Показательно, что Н. Хоув и В. Штраус называли это поколение “Homeland”, подчеркивая склонность «хоумлендеров» к созданию собственного жизненного пространства [20, с. 109]. Отсюда распространено мнение о молодежи как поколении разобщенных и эгоцентричных людей. Однако источником аутизации в большей степени является стремление «зуммеров» к личностному самоопределению и защите собственного «взгляда на мир»: это «свободолюбивые молодые люди, не доверяющие никому, в том числе обычным авторитетам и власти» [10, с. 4]. Одновременно «зуммерам» присущи высокая степень эмпатии и толерантности, готовность к конструктивному общению (в комфортной для себя среде), оказанию помощи и сопереживанию.

Представители поколения Z считают важнейшими ценностями свободу, справедливость и честность, отвергают вещизм и конформизм. При этом они зачастую проявляют практичность, прагматизм и даже цинизм, ставя во главу угла личный комфорт как условие саморазвития. «Зуммеры» сочетают стремление к индивидуальному самовыражению и даже готовность к риску с немалой инфантильностью и нежеланием

выстраивать долгосрочные жизненные стратегии. Независимость их суждений, как правило, не переходит черты фрондерства, а открытость и готовность к сотрудничеству носит во многом ситуативный характер.

В целом, мотивационно-поведенческая модель, характерная для поколения Z, отличается ярко выраженными игровыми чертами: в основе ее лежит «перформативная стратегия – своего рода художественное творение собственной жизни» [8, с. 38]. Игровая мотивация исключает чрезмерную «серьезность» в восприятии любого процесса, не только защищая от стресса, но и подразумевая возможность «сделать иначе». Это же объясняет, почему «зуммеры» не любят «много думать»: «Чрезмерное мышление истощает ум. Оно может заставить вас чувствовать, что вы застряли на одном месте. Излишнее мышление может заманить мозг в ловушку цикла беспокойства, когда умственное пережевывание становится таким же естественным, как дыхание» [21]. Игровая экспрессия «зуммеров», которая проявляется и в поведении, и в мышлении, связана с нежеланием упустить новые возможности и потребностью в новых впечатлениях. «Скучное» вызывает отторжение даже в том случае, когда является «полезным». К этому добавляется готовность варьировать свое поведение, быстро «переключать» фреймы социального поведения и менять имиджевые характеристики. Как следствие, «для этого типа личности характерно неполное осознание грани между реальным и воображаемым миром, отсутствие четких представлений о причинно-следственных связях, в том числе по отношению к результатам собственной деятельности, что способствует формированию относительной безответственности, безотчетности и раскованности как мышления, так и действий, – своего рода инфантилизма, жизненно необходимого для подлинно свободного и эффективного социального творчества» [14, с. 60].

Важно учесть, что приведенные выше характеристики не только являются результатом социологических и психолого-педагогических наблюдений за поколением «родившихся в XXI в.», но и в значительной степени соответствуют описанию тех изменений в социальности общества, которые еще с конца XX в. считаются проявлением постиндустриальных тенденций. «Зуммеры» наглядно демонстрируют мотивационные, ценностные, поведенческие особенности, показанные в теории постматериализма Р. Инглхарта, адхократической концепции О. Тоффлера, теории социальной драматургии И. Гофмана, исследованиях играизации общества С.А. Кравченко. Можно сказать, что «зуммеры» – это поколение, которое в условиях постиндустриального общества уже с детства оказалось на вершине «пирамиды Маслоу». Тем острее становился проблема педагогического общения с этим поколением.

Проектирование педагогических систем в условиях социализации молодежи из поколения Z

Столь заметная специфика когнитивной и поведенческой культуры поколения Z не может не отразиться на проектировании современных педагогических систем. При этом следует учесть, что социализация «зуммеров» происходит в условиях сложной общественно-политической обстановки и острого ценностного противостояния, в контексте которого ряд поколенческих особенностей молодежи может восприниматься как проявление либо низкого уровня гражданской ответственности, либо влияния «деструктивных идеологий». Отрицать такие риски нельзя, но специфика мышления и жизненной философии представителей поколения Z отнюдь не является залогом популярности среди них космополитических идей или гражданской инфантильности. Напротив, это поколение может очень активно, с высокой эмоциональной экспрессией и личной заинтересованностью реагировать на актуальную «повестку дня» и рефрен ценностного самоопределения общества. Проблема заключается именно в формате того педагогического воздействия, которое может укрепить такую позицию.

На наш взгляд, эффективное решение задач гражданского воспитания представителей поколения Z не может быть обеспечено классическими формами «бесед» и «уроков», проектированием специализированных учебных дисциплин и проведением «календарных мероприятий». Использование методов политической пропаганды вообще может иметь обратный эффект (с учетом скептического отношения «зуммеров» к авторитетам и любому внешнему давлению). Прочное закрепление важных для общества ценностных ориентаций может произойти только при условии, если этот процесс станет частью свободного и творческого самоопределения самой молодежи. Следует также учесть, что современное гражданское воспитание тесно связано с укреплением конституционной идентичности и коллективной исторической памяти, а потому является по своей сути просветительской деятельностью. Однако для поколения Z просветительские проекты как способ «расширения эрудиции» или передача той или иной информации с «правильной точки зрения» не представляют существенного интереса. Поэтому просветительское воздействие помимо «стратегии информирования» должно опираться на «стратегию актуализации» и «стратегию согласования» [13, с. 108–109].

Принцип актуализации в данном случае подразумевает, что гражданское воспитание и просветительская деятельность в целом должны быть ориентированы на создание условий для восприятия окружающего

мира как собственного жизненного пространства, практического освоения тех форм социального активизма, которые значимы для конкретного подростка или молодого человека, представляют для него интерес и ценность «сегодня и сейчас», сопряжены с личными переживаниями и жизненными впечатлениями. Отсюда и роль «стратегии согласования», т.е. использование тех форм интерактивного взаимодействия, которые позволяют «зуммерам» успешно реализовать собственные ценностные установки и поведенческие паттерны в общественно значимом контексте, использовать социальный активизм как форму личностной репрезентации и репутационного продвижения, получить опыт соответствующей эмоциональной рефлексии.

Яркими примерами такого активизма являются волонтерская и проектная деятельность, проведение разнообразных перформансов, в том числе в формате смартфонов и флешмобов, деятельность сообществ, формируемых по принципу «тематических» комьюнити и клубов. Эффективность этих методов гражданского воспитания во многом зависит от использования неформальных организационных моделей, избыточного информационного обеспечения, сетевого продвижения, гибкого обновления содержательной направленности. И, главное, такие интерактивные формы социального активизма должны стать не факультативным дополнением к учебному процессу или предметом интереса для «энтузиастов», а обязательным контекстом реализации любой образовательной программы.

Не менее важная педагогическая задача связана с учетом специфики поколения Z в рамках собственно учебного процесса. Именно здесь когнитивные и поведенческие особенности «зуммеров» создают наибольшие риски, поскольку вступают в диссонанс с многими элементами классических педагогических систем. Следует также учитывать, что если школа к особенностям поколения Z в определенной степени адаптировалась (об этом говорит достаточно широкая практика внедрения интерактивных образовательных технологий, игровых методов обучения, дидактических моделей учебной литературы, адаптированных под клиповое создание, сетевых образовательных площадок и информационных ресурсов), то для высшего образования эта задача на системном уровне фактически и не ставилась. Между тем, в течение следующих полутора-двух десятилетий университетам предстоит работать именно с представителями поколения Z (школе же придется адаптироваться к зарождающемуся поколению Альфа, которое уже оказалось в поле внимания социологов [12]).

Остроту данной проблеме придает тот факт, что большая часть молодежи из поколения Z не ориентирована на долгосрочную и преемственную

профессиональную карьеру, для них не столь значимым стимулом является получение «престижной» или «востребованной» профессии. Это отнюдь не означает, что приход поколения Z на «рынок труда» грозит массовой деградацией трудовых ресурсов. Но в период обучения «зуммеры» ценят больше всего получение интересной информации, позитивных эмоций и ярких впечатлений, возможность самореализации, гибкого включения в учебный процесс, мобильность и свободу выбора. По той же причине для «зуммеров» не комфортны академические формы обучения, причем с точки зрения не только организации занятий, но и самой «знаниевой» педагогической парадигмы: благодаря клиповому сознанию «зуммеры» выходят на уровень «понимания», опираясь на «впечатления» и «представления», а не комплексные знания. К этому добавляются явные затруднения с систематическим изучением научной литературы, выполнением заданий, связанных с логическим анализом и критическим мышлением, отсутствие «долгой памяти» (как в ситуациях, когда требуется запоминание большого объема учебного материала, так и с точки зрения «сохранения знаний» в течение хотя бы двух-трех лет). Даже временной формат полтора-двухчасовых аудиторных занятий является для «зуммеров» не комфортным, если не обеспечена интенсивная учебная работа со сменой форм деятельности и не используются «эмоциональные триггеры». И, наконец, совершенно неэффективной для обучения «зуммеров» является система контроля, основанная на формате «классического экзамена» – даже если в период подготовки к экзамену студенту удастся «запомнить» значительный объем информации, то это происходит на уровне «короткой памяти».

Для решения данных проблем требуется комплексное реформирование образовательного процесса. Самый очевидный блок необходимых новаций касается дидактики: учебная деятельность должна в максимальной степени носить интерактивный характер. Соответствующие образовательные технологии уже не одно десятилетие находятся в эпицентре внимания педагогического сообщества, но их системное внедрение в высшей школе затруднено не только устойчивыми традициями академического обучения, но и недостаточной квалификацией немалой части преподавателей. Причем речь идет об отсутствии не только достаточного опыта проектирования и применения таких форм образовательного процесса, но и должной мотивации: сказывается специфика профессиональной идентичности и рефлексии преподавателей высшей школы, многие из которых по своему «амплуа» являются скорее исследователями, учеными, а не педагогами. Показательно, что и существующая система управления педагогическими кадрами в высшей школе ориентирована, прежде всего, на учет научных достижений преподавателей,

стимулирование их исследовательской деятельности, публикационной активности.

Важно отметить, что системное внедрение интерактивных форм обучения невозможно обеспечить лишь применением тех или иных образовательных технологий. Неизбежно встает вопрос о содержательном компоненте учебных дисциплин. Очевидно, что широкое использование интерактивных методик, будь то дискуссии или деловые игры, экспертные кейсы или вебинары, тренинги или квесты, обратно пропорционально объему осваиваемого учебного материала. Неизбежно возрастает и дискретность содержания дисциплины. Поэтому особое значение приобретает модульный характер рабочих программ, вариативность занятий и форм контроля, гибкая адаптация содержательных линий предмета к специфике конкретной аудитории, актуальным триггерам из общественной жизни, доступным информационным ресурсам. И, конечно, такой подход существенно меняет систему контроля. Причем сам по себе переход к балльно-рейтинговой системе уже не достаточен: требуется проектирование такой образовательной среды, которая позволяла бы студентам выстраивать индивидуальные траектории обучения, сосредотачивать свои усилия для освоения важных и интересных для себя компонентов программы, варьировать формы учебной работы. Важным элементом такой системы должны быть и компенсирующие задания, позволяющие более гибко распределять время, отводимое для учебы. С помощью таких дидактических решений должна быть достигнута максимальная интеграция обучения и контроля: для «зуммеров» очень важно достижение конкретного результата «сегодня и сейчас», успешность в выполнении конкретной задачи.

Эффективность интерактивных форм обучения во многом определяется стилистикой педагогического общения. «Зуммеры» ценят открытость и неформальность диалога, отсутствие авторитарного давления, возможность высказывать собственное мнение, понимание практических целей учебного взаимодействия. Они, как правило, способны гибко подстраиваться под требования конкретного преподавателя, но апелляция к «требованиям учебной дисциплины» в общении с ними практически бесполезна.

Чрезвычайно важным фактором повышения учебной мотивации «зуммеров» и предоставления им возможностей для самореализации является геймификация учебного взаимодействия. Игровые алгоритмы эффективно сочетаются с проблемной, исследовательской, тренинговой направленностью учебных заданий, что особенно важно для профессионального обучения. Они обеспечивают насыщенное интерактивное взаимодействие обучающихся, снижают уровень негативной рефлексии,

помогают преодолеть скованность и тревожность, закрепить более раскрепощенную, эмоционально насыщенную поведенческую модель. Игровая активность создает творческую атмосферу, стимулирует образное мышление и эмоциональный интеллект, способствует развитию таких внутренних мотиваторов, как рефлексия и самооценка. Все это идеально отвечает психологическим особенностям поколения Z.

Заключение

Усиление роли когнитивной педагогики в современном образовании заставляет с особым вниманием относиться к специфике ценностно-мотивационных установок, поведенческих паттернов, коммуникативной культуры, психологического состояния молодежи из поколения Z – поколения «родившихся в XXI в.». Особое значение этот фактор имеет для высшего образования: в стены университетов начали приходить молодые люди, которые родились и встали на путь взросления в уже сложившейся «цифровой реальности», на пике ее экспансии.

При этом восприятие поколения Z как Digital Natives не вполне очерчивает особенности его когнитивной культуры. «Зуммеры» не только являются носителями «цифрового языка», но и обладают мировосприятием, стирающим грань между онлайн и офлайн. Сочетание развитого клипового сознания, визуального мышления и эмоционального интеллекта позволяет органично адаптироваться к специфике «сетевого общества» и характерной для него динамике информационных потоков. Показательно также, что социально-психологический портрет «зуммеров» практически совпадает с характеристиками постиндустриальных («постматериалистических», «игровых») тенденций в развитии социализации и самоидентификации личности, социальной стратификаций и коммуникаций, представленными в научной литературе еще с 1970–1980-х гг.

Это заставляет относиться к поколенческим особенностям молодежи как к устойчивому и перспективному явлению, а не источнику психологических синдромов и девиаций. И очевидно, что учет этих особенностей должен стать одним из ключевых факторов проектирования педагогических систем на всех уровнях образования, в том числе закрепления интерактивного характера педагогического взаимодействия (помимо использования соответствующих методик преподавания), развития разнообразных форм коллаборации, тесно связанных с социальным активизмом обучающихся, широкой геймификации образовательного процесса, создания условий для построения индивидуальных траекторий обучения.

И если система общего образования в прошлом десятилетии во многом смогла адаптироваться к такому «вызову», то готовность высшей школы перестроить образовательное пространство в интересах поколения Z пока невелика. Сдерживающую роль играют и академические традиции высшего образования, и специфика задач профессионального обучения, и профессиональная культура преподавательского сообщества. Но стартовавшая реформа высшего школы, связанная с переходом к дифференцированным моделям базового и специализированного высшего образования, создает благоприятные условия для обновления всей педагогической парадигмы современного российского Университета.

Библиографический список / References

1. Воробьева М.В. Особенности и обучение I-поколения (поколения Z) // Педагогическое образование и наука. 2019. № 5. С. 108–112. [Vorobyova M.V. Features and training of the first generation (generation Z). *Pedagogical Education and Science*. 2019. No. 5. Pp. 108–112. (In Rus.)]
2. Гиренок Ф.И. Клиповое сознание. М., 2016. [Girenok F.I. *Klipovoe soznanie* [Clip consciousness]. Moscow, 2016.]
3. Грекова А.А. Особенности мышления представителей «цифрового поколения» // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. 2019. Т. 12. № 1. С. 28–38. [Grekova A.A. Peculiarities of thinking of representatives of the “digital generation”. *Bulletin of the South Ural State University. Series: Psychology*. 2019. Vol. 12. No. 1. Pp. 28–38. (In Rus.)]
4. Ершова Р.В., Корягина Т.М. Психологические особенности цифрового поколения: от теории к практике исследования. Колонна, 2021. [Ershova R.V., Koryagina T.M. *Psihologicheskie osobennosti cifrovogo pokoleniya: ot teorii k praktike issledovaniya* [Psychological characteristics of the digital generation: From theory to research practice]. Kolomna, 2021.]
5. Зорина Н.Н. Структура эмоционального интеллекта в современной психологии // Методология современной психологии. 2021. № 13. С. 94–105. [Zorina N.N. *The structure of emotional intelligence in modern psychology. Methodology of Modern Psychology*. 2021. No. 13. Pp. 94–105. (In Rus.)]
6. Интернет-зависимость и ее взаимосвязь с межполушарной асимметрией и поведенческими особенностями личности / Антропова Л.К., Андронникова О.О., Куликов В.Ю., Козлова Л.А. // Медицина и образование в Сибири. 2011. № 3. С. 1–8. [Antropova L.K., Andronnikova O.O., Kulikov V.Yu., Kozlova L.A. *Internet addiction and its relationship with interhemispheric asymmetry and behavioral characteristics of the individual. Medicine and Education in Siberia*. 2011. No. 3. Pp. 1–8. (In Rus.)]
7. Калинин Н.И., Малкова Е.Е. Виртуальные формы замещения информативно-коммуникативного поведения современных подростков // Медико-биологические и социально-психологические проблемы безопасности в чрезвычайных ситуациях. 2012. № 3. С. 79–86. [Kalin N.I., Malkova E.E. *Virtual forms of replacing information and communication behavior of modern*

- teenagers. *Medical-Biological and Socio-Psychological Problems of Safety in Emergency Situations*. 2012. No. 3. Pp. 79–86. (In Rus.)]
8. Кравченко С.А. Нелинейная социокультурная динамика: играизационный подход. М., 2006. [Kravchenko S.A. Nelinejnaya sociokulturnaya dinamika: igraizacionnyj podhod [Nonlinear sociocultural dynamics: A game-based approach]. Moscow, 2006.]
 9. Крюкова С.А. Понимание визуального мышления // Аналитика культурологии. 2012. № 1 (22). С. 152–155. [Kryukova S.A. Understanding visual thinking. *Analytics of Cultural Studies*. 2012. No. 1 (22). Pp. 152–155. (In Rus.)]
 10. Кулакова А.Б. Поколение Z: теоретический аспект // Вопросы территориального развития. 2018. № 2 (42). С. 1–9. [Kulakova A.B. Generation Z: Theoretical aspect. *Issues of Territorial Development*. 2018. No. 2 (42). Pp. 1–9. (In Rus.)]
 11. Кучерихин В.В. Поколение Z – поколение «прямого эфира» и «историй» // Череповецкие научные чтения – 2017: материалы Всероссийской научно-практической конференции / отв. ред. Е.В. Целикова. Череповец, 2018. Ч. 1. С. 70–72. [Kucherikhin V.V. Generation Z – the generation of “live broadcast” and “stories”. *Cherepoveckie nauchnye chteniya – 2017: Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. E.V. Tselikova (ed.). Cherepovets, 2018. Part 1. Pp. 70–72. (In Rus.)]
 12. Мухаметзянова Ф.Г., Степанова К.И. Размышления о новых поколениях обучающихся и особенности поколения альфа в глобальном образовании // Глобальная экономика и образование. 2021. Т. 1. № 2. С. 42–50. [Mukhametzyanova F.G., Stepanova K.I. Reflections on new generations of students and features of the alpha generation in global education. *Global Economy and Education*. 2021. Vol. 1. No. 2. Pp. 42–50. (In Rus.)]
 13. Полуйкова С.Ю. Современный просветительский дискурс: когнитивно-прагматический аспект // Вестник Череповецкого государственного университета. Серия: Филологические науки. 2012. № 2. С. 106–109. [Poluykova S.Yu. Modern educational discourse: Cognitive-pragmatic aspect. *Bulletin of Cherepovets State University. Philological Sciences*. 2012. No. 2. Pp. 106–109. (In Rus.)]
 14. Практика глобализации: игры и правила новой эпохи / под ред. М.Г. Делягина. М., 2000. [Praktika globalizacii: igry i pravila novej epochi [The practice of globalization: Games and rules of the new era]. M.G. Delyagin (ed.). Moscow, 2000.]
 15. Сапа А.В. Поколение Z – поколение эпохи ФГОС // Инновационные проекты и программы в образовании. 2014. № 2. С. 24–30. [Sapa A.V. Generation Z – the generation of the Federal State Educational Standards era. *Innovative Projects and Programs in Education*. 2014. No. 2. Pp. 24–30. (In Rus.)]
 16. Тимохин В.В., Митрофанов М.А. Особенности эмоциональной сферы людей, зависимых от интернет-игр и интернет-серфинга // Социально-гуманитарные технологии. 2017. № 1 (3). С. 53–57. [Timokhin V.V., Mitrofanov M.A. Features of the emotional sphere of people addicted to Internet games and Internet surfing. *Social and Humanitarian Technologies*. 2017. No. 1 (3). Pp. 53–57. (In Rus.)]

17. Ценностные ориентиры и карьерные предпочтения поколения Z: какие экономические изменения принесет молодое поколение / Амеличева Д.В., Семенова Е.А., Белова О.Р., Тиханов Н.Е. // Вестник Академии знаний. 2021. № 47 (6). С. 24–30. DOI: 10.24412/2304-6139-2021-6-30-37 [Amelicheva D.V., Semenova E.A., Belova O.R., Tikhanov N.E. Value orientations and career preferences of generation Z: What economic changes will the younger generation bring. *Bulletin of the Academy of Knowledge*. 2021. No. 47 (6). Pp. 24–30. (In Rus.) DOI: 10.24412/2304-6139-2021-6-30-37]
18. Щербакова О.И. «Визуальное мышление» и «динамическое мышление» как психотехника активного обучения // Проблемы социальной психологии и социальной работы: XV Всероссийская Парыгинская научно-практическая конференция. СПб., 2020. С. 42–44. [Shcherbakova O.I. “Visual thinking” and “dynamic thinking” as a psychotechnics of active learning. *Problemy socialnoj psihologii i socialnoj raboty: XV Vserossiyskaya Paryginskaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya*. St. Petersburg, 2020. Pp. 42–44. (In Rus.)]
19. Howe N., Strauss W. *Generations: The history of America’s future, 1584 to 2069*. New York, 1991.
20. Howe N., Strauss W. *Millennials & K-12 schools: Educational strategies for a new generation*. Life Course Associates, 2008.
21. Oppong T. Psychologists explain how to stop overthinking everything. URL: <https://thomasoppong.com/psychologists-explain-how-to-stop-overthinking-everything/> (accessed: 25.12.2023).
22. Prensky M. Digital natives, digital immigrants. URL: https://is.muni.cz/el/fss/jaro2013/ZUR589f/um/Prensky__2001_.pdf (accessed: 25.12.2023).

Статья поступила в редакцию 04.10.2023, принята к публикации 07.12.2023

The article was received on 04.10.2023, accepted for publication 07.12.2023

Сведения об авторах / About the authors

Пономарев Михаил Викторович – кандидат исторических наук; профессор кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет

Mikhail V. Ponomarev – PhD in History; Professor at the Department of Modern and Contemporary History of Europe and America of the Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University

E-mail: mv.ponomarev@mpgu.su

Клименко Андрей Владимирович – кандидат исторических наук; доцент кафедры истории России, первый заместитель директора Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет

Andrey V. Klimenko – PhD in History; First Deputy Director, associate professor at the Department of History of Russia of the Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University

E-mail: av.klimenko@mpgu.su

Рафалюк Светлана Юрьевна – кандидат исторических наук; доцент кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет

Svetlana Yu. Rafalyuk – PhD in History; associate professor at the Department of Modern and Contemporary History of Europe and America of the Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University

E-mail: syu.rafalyuk@mpgu.su

Заявленный вклад авторов

Пономарев М.В. – анализ и интерпретация литературы, проведение исследования, подготовка текста статьи

Клименко А.В. – анализ и интерпретация литературы, проведение исследования, подготовка текста статьи

Рафалюк С.В. – анализ и интерпретация литературы, проведение исследования, подготовка текста статьи

Contribution of the authors

M.V. Ponomarev – analysis and interpretation of literature, conducting research, preparation of the text of the article

A.V. Klimenko – analysis and interpretation of literature, conducting research, preparation of the text of the article

S.Yu. Rafalyuk – analysis and interpretation of literature, conducting research, preparation of the text of the article

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи

All authors have read and approved the final manuscript